

СПЕКУЛЯНТЫ, КОЛОНИЗАТОРЫ, ЛЖЕЦЫ И ДРУГИЕ ЛЮДИ: ОБЗОР НОВИНОК ИЮНЯ

ТАТЬЯНА СОЛОВЬЕВА
Литературный критик. Родилась в Москве, окончила Московский педагогический государственный университет. Автор ряда публикаций в толстых литературных журналах о современной

русской и зарубежной прозе. Руководила PR-отделом издательства «Вагриус», работала бренд-менеджером «Реданции Елены Шубиной». Главный редактор издательства «Альпина. Проза».

АБДУЛРАЗАН ГУРНА, «ПОСЛЕДНИЙ ДАР» («СТРОКИ»)

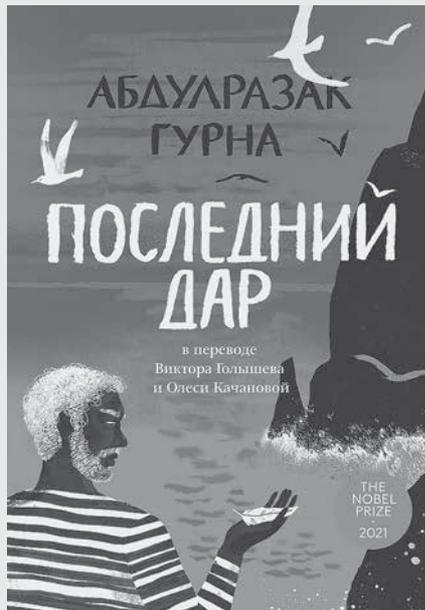
Имя танзанийского писателя Абдулразана Гурны стало известным всему миру после того, как он получил Нобелевскую премию. Он родился в середине прошлого века в Танзании, но в 1968 году в связи с антиарабскими настроениями в Занзибаре переехал в Великобританию, где получил образование и стал преподавать в Университете как специалист по постколониальной литературе. И в его многочисленных романах (на русский язык сейчас переведены четыре из них) постколониальная тема — одна из магистральных. Хотя в романе «Последний дар» она, как поначалу кажется, не выходит на первый план, как это было, например, в условной дилогии «Рай» и «Посмертие». Те два романа показывают момент прихода европейских колонизаторов в африканские страны, вот этот миг столкновения старых вековых устоев с новой цивилизацией, техническим прогрессом и просвещением. Герои его романов — растущие в африканских странах дети, на их глазах эти страны становятся колониями, и они вдруг понимают, что в мире существует и какая-то совершенно другая жизнь. В 2021 году писатель получил Нобелевскую премию по литературе за «бескомпромиссное и сострадательное исследование последствий колониализма и судьбы беженца в пропасти между культурами и континентами». Действие романа «Последний дар» разворачивается в Великобритании. Пожилой занзибарец Аббас, в прошлом моряк, о юности которого ничего не известно ни его жене, ни его детям, в предсмертной исповеди рассказывает свою не очень однозначную историю. Услышав ее, его жена какое-то время учится жить с этой информацией, а потом и сама рассказывает детям, родившимся и выросшим в Англии и чувствующим себя англичанами, свою часть истории — о своих сиротских детстве и юности. Этот роман — не только о разнице менталитетов африканцев и европейцев, не только о людях, которые чувствуют себя своими в какой-то среде, потому что

не знают иной, но ни когда до конца не принимаются этой средой, он еще о правде и умолчании — что лучше: сохранить от детей свои тайны, оставшись для них табула раса, или рассказать и тем самым переложить часть своего груза, обречь на знание, о котором они не просили? Сам Аббас, единственный из многочисленных братьев и сестер, учился в школе и потом даже поступил в колледж — остальные должны были работать, и времени на учебу у них не было. Когда в Африку пришли европейцы, они стали пропагандировать среди местного населения среднее образование, которое до этого считалось пустой тратой времени. Жена Аббаса проучилась в школе, но проходила всю жизнь в отстающих. Дети Аббаса как жители Британии уже получают высшее европейское образование как само собой разумеющееся. Есть несомненный прогресс, но делает ли это их более счастливыми? И помогает ли образование понять своих родителей и себя самих? Предсмертная исповедь отца, когда человек максимально честен и открыт перед своей семьей, оказывается тем самым бесценным последним даром, который не только раскрывает перед женой и уже взрослыми детьми мужа и отца, но и дарит им возможность и смелость быть собой, искать ответы на интересующие их вопросы и исправлять ошибки прошлого.

«Когда дядя Ибрагима узнал, что я умею читать и писать, он перевел меня в контору на первом этаже дома. Обед мне присылали сверху — так и я увидел сестру Ибрагима и влюбился в нее. Дело было, конечно, безнадежное. У них клан, а я моряк-отщепенец, которого случайно занесло в эти края, да и знал я уже, к чему приводит игра в гляделки с дочкой богатого торговца. Мы с ней и словом не перемолвились, но Ибрагим все равно прознал про наши робкие улыбки и огонек, вспыхивавший в ее глазах, когда она приносила мне миску с едой. Видимо, такие вещи всегда очевидны, и лишь те двое думают, что им удастся сохранить все в тайне. Ибрагим решился рассказать мне о своей матери. Думаю, таким образом он хотел меня предостеречь, и я внял предостережению: незамедлительно бросил работу в их семейном бизнесе и в тот же день съехал с квартиры. И отчалил из Дурбана, как только подвернулась койка на судне. Вот что Ибрагим рассказал мне о своей матери, и с тех пор Дурбан для меня совершенно необъяснимым образом связан с этим рассказом».

АЛЕНСЕЙ СМИРНОВ ФОН РАУХ, «ДОСНА ДИОНИСИЯ» (INDIVIDUUM)

Имя Алесея Смирнова (к своей подлинной фамилии он добавил псевдоним «фон Раух», означающий «из пепла») прочно связано с русским позднесоветским андеграундом. Но известен он прежде всего был как художник, иконописец, публицист, мыслитель и теоретик искусства и лишь с недавних пор и благодаря этому роману — как писатель. Но обо всем по порядку. Одно время (впрочем, недолгое) он был близок к Южинскому кружку, но если Юрий Мамлеев — отец метафизического реализма, то Смирнов фон Раух стоял у истоков магического символизма. «Магический символизм или, точнее, мистицизм магических символов — это единственная сознательная духовная реальность. Все современные тенденции европейского искусства от футуризма до кубизма, от фовизма, натурализма, сюрреализма до конкретного и объективного искусства быстро сменились или даже истощились в последние десятилетия. Только лишь магический символизм может удовлетворить русскую душу. Мы прямые наследники Греции, Византийского и крымско-скиф-

сного искусства», — писал он. После активных андеграундных 1960-х он разорвал связи с миром и последние тридцать лет провел в снитях. Не останавливаясь подробно на его художественном, реставраторском и иконописном амплу, скажем, что до недавних пор немногочисленным читателям имя этого автора могло быть знакомо только по посмертному сборнику эссе «Полное и окончательное безобразие», в то время как в 1976 году под псевдонимом Алесей Анненков был написан детективный роман о спекуляции иконами «Доска Дионисия». Сейчас это трудно себе представить, но, как пишет в предисловии издатель Феликс Сандалов, судя по всему, автор планировал этот текст к публикации, а не писал в стол. Но издан он, конечно, тогда быть не мог. В основе сюжета здесь судьба иконы Спасителя, написанной самим Дионисием для некоего монастыря, расположенного в небольшом губернском городе за сотни километров от столицы. В 1917 году архимандрит монастыря, масон и бывший офицер, в результате понятных исторических перипетий спрятал сокровища, среди которых была и икона. В застойные семидесятые икона находится и начинает жить новой жизнью — совсем не легальной, но весьма насыщенной. Смирнов фон Раух выводит здесь целую галерею типов, среди которых церковнослужители, белогвардейцы, художники и спекулянты. И кандидат искусствоведения Анна Петровна, защитившая диссертацию по работам Дионисия, идет по следу исчезнувшей доски. Роман начнется канонично, едва ли не простовато, но довольно скоро обернется подлинной фантазмагорией смыслов, намеков и сюжетных экзерсисов.

«С большой неохотой племянница разрешила Анне Петровне разбирать бумаги. Спросив, не курит ли она, племянница отвела Анну Петровну в сарай. Здесь на ящиках и пустых кадках Анна Петровна разложила старые доски, и получился длинный стол. На этот стол она стала выносить пыльные папки с бумагами и сортировать их. Содержимое их очень удивило

Анну Петровну. Она сразу прониклась большим уважением к покойному Гукасову. Он принадлежал, по-видимому, к той удивительной породе русских чудаков, которые всегда составляли гордость России. Чудаки – это люди, делающие все по-своему и имеющие обо всем собственные представления. Вообще, чудаки – это в своем большинстве люди одинокие и инициативные. В ее области истории чудаки совершили массу полезного: составили коллекции, библиографические и генеалогические картотеки, написали тома неоценимых мемуаров. Архивы покойного Гукасова были именно таким одиноким чудаческим подвигом. Гукасов собирал архивы исчезнувших семей и учреждений прежней России. В городе когда-то было двадцать пять церквей, в уезде было около тридцати старых имений. Гукасов пережил интереснейшее для историка время, когда эти имения переходили в руки народа. Архивы этих имений, письма, планы, записки – все это было никому не нужно. Гукасов все это собирал: архивы закрывшихся храмов, записи смертей, браков, дарственные – все это тоже было в собрании Гукасова».

АЛТЫНАЙ СУЛТАН, «ОТСЛОЙКА» («АЛЬПИНА.ПРОЗА»)

Дебютный роман писательницы из Назахстана Алтынай Султан во многом автофикционален. Но ужас в том, что в описываемых в романе сценах узнают себя тысячи российских и назахских женщин. Писательница показывает роддом нан место, в котором до сих пор, в XXI вене, по-настоящему страшно. Потому что от женщины здесь почти ничего не зависит, она не понимает, что именно с ней в каждый из моментов происходит и что будет дальше. Будут ли осложнения, что ждет ее саму и ее ребенка, когда их выпишут — эти и множество других вопросов, даже будучи заданными, чаще всего остаются без ответа. Государственный роддом — своеобразное чистилище, место, где граница между

жизнью и смертью наиболее проницаема. Героиня романа Саида училась в Сорбонне, потом вернулась в Назахстан и вышла замуж. Ее муж русский, они живут весьма не бедно, ее свекровь обожает невестну и всячески ей помогает (в казахской традиции обычно бывает наоборот). Их первая дочь Беатрис родилась в хорошей частной клинике. Вторая — Урсула — должна была появиться на свет там же, но планы нарушила отслойка плаценты, случившаяся на раннем сроке. Скорая — государственный роддом — экстренное кесарево и какое-то время полная неизвестность, что с ее дочерью. Героиня сначала пытается добиться перевода в платное отделение, но потом смиряется с обстоятельствами и узнает множество историй женщин, которые оказались здесь одновременно с ней. Читать эти истории по-настоящему страшно, но вместе с тем все это парадоксальным образом рождает какой-то очистительный эффект, когда страшное знание оказывается предпочтительней неведения. Неделя в больнице станет и для Саиды, и для читателя настоящим испытанием на прочность, «Отслойка» — это почти психологический триллер с чертами боди-хоррора, книга о роженицах и врачах, городе и деревне, богатстве и бедности, жизни и смерти, суевериях и традициях, бытовой коррупции и высочайшем долге. Это рассказ о времени, когда человек наиболее уязвим, напоминание о том, как важно в любой ситуации сохранить в себе человеческое, не дать рутине убить в себе сострадание.

«Здесь все по-другому. Я даже не знаю, что за анализы у меня берут, и мне, скорее всего, не скажут о результатах. Мне просто делают больно без объяснений.»

И это скорее даже не физическая боль, а обида. Детская такая обида, как если ты случайно наступил в лужу, а мама отругала.

Я отвернулась и оглядела процедурную — узкую комнатку делила пополам пластиковая дверь с окном. В моей части была кушетка — на ней сгрудились заполненные кровавой мочой стаканчики; у стены несколько пустых железных шкафов со стеклянными дверцами. Во второй половине разместилось гинекологическое кресло.

— Ужасная кровь, вообще не идет! Даже шприцем!

— На флюру все собрались? Идемте! — послышалось из коридора.

— Ладно, потом еще возьму, — она так сильно прижала руку ваткой со спиртом, что я дернулась. — Чего? Скажи еще, что тебе больно.

Я не сказала, но было больно и обидно».

АСАНО ЮЗУНИ, «МАСЛО» («РИПОЛ КЛАССИК»)

На русском вышел триллер, проданный в Японии тиражом свыше 100 000 экземпляров, — «Масло» Асано Юзуни, обладательницы премии All Yomimono Prize for New Writers. Роман основан на реальных событиях — истории серийной убийцы Нанаэ Нидзимы, которая уже пять лет находится в камере смертников в тонийской тюрьме. Манано Надзия рассказывает свою историю журналистке Матиде Рине, и та пытается разобраться в психологии преступницы, отчасти подпадая под ее влияние в некоторых вопросах, связанных со стилем жизни и отношением к себе самой. Манано завязывала на сайтах знакомств отношения с состоятельными одиночками мужчинами, много и вкусно готовила для них и выполняла любые напризы, за что получала щедрые подарки. Однако спустя какое-то время все эти, пусть и немолодые, но вполне бодрые и активные мужчины умирали — по разным причинам, но для мужчин одной женщины слишком много совпа-

дений. Пытаясь докопаться до истины, журналистка Матида Рина испытывает на себе обаяние и жизнелюбие Манано, начинает готовить даже привычные блюда с больше любовью к себе самой и кулинарии, набирает несколько лишних килограммов и встречается с осуждением окружающих. Впрочем, готовка изначально не вполне добровольна: чтобы найти общий язык с преступницей, журналистка просит у нее рецепт говяжьего рагу, которое она готовила одному из убитых накануне его смерти. «Масло» — это триллер, который не ограничивается жанровыми рамками, центральная коллизия здесь скорее организует текст и держит интригу, но тематическое и проблемное поле его гораздо шире: здесь и отношения человека с собственным телом, и баланс между работой и семьей, и проблема субординации, и вопрос вины, конечно. В общем, три в одном: триумф, психологический роман и книга о японском менталитете одновременно.

«Рика всегда была равнодушна к еде и модным вещам, хотя внимательно следила за тем, чтобы весить не больше пятидесяти килограммов. Ей казалось, что иначе из-за высокого роста она выглядит слишком большой для девушки. Отчасти ее вдохновлял пример матери, которая всегда держала себя в форме. Рика не ела перед сном, на приемах выбирала блюда с тушеными овощами, а на завтрак и обед покупала в комбине рядом с офисом йогурты, салаты, фунчозу и другую легкую еду. Времени посещать спортзал у нее не было, но она старалась побольше ходить пешком. Подтянутая фигура не делала ее «глянцевой» красоткой, но все же выделяла из толпы. К тому же благодаря худобе на ней отлично сидела даже выбранная на скорую руку недорогая одежда. Женщинам-журналистам внешность дает определенные преимущества, и красивый миндалевидный разрез глаз в сочетании с правильными чертами лица нередко помогали Рике. А в своей школе для девочек в прошлом она частенько получала письма с признаниями в любви».

МАНСИМ ЛЕО, «ГЕРОЙ СО СТАНЦИИ ФРИДРИХШТРАССЕ» (POLYANDRIA NOAGE)

Жизнь Михаэля Хартунга сера и совершенно непримечательна, он работает в студии видеопроката, живет в ней же, и все дни его похожи друг на друга. Но однажды в видеопрокат приходит корреспондент и хочет взять у него интервью, потому что уверен в том, что много лет назад, в 1983 году, Хартунг, будучи сотрудником железной дороги, совершил настоящий подвиг, направив поезд из Восточного Берлина в Западный, благодаря чему более ста человек исполнили свою мечту, обрели новую жизнь и воссоединились с родными. Сам интервьюируемый, впрочем, поначалу все отрицает, но интервьюер непреклонен — наверняка пытки Штази были настолько болезненным опытом, что герой вытеснил эту историю из своего сознания. Корреспондент побеждает, Хартунг соглашается с его доводами и примеряет на себя эту историю. Поначалу новая жизнь — жизнь скромного героя, которого слава настигла спустя десятилетия, — оказывается ему весьма впору, но однажды он знакомится с одной из пассажирок того самого поезда, влюбляется в нее и понимает, что распутать туго затянутый клубок лжи окажется не так-то просто. Мансим Лео с неподражаемой иронией пишет о том, как тесно оказываются связаны правда и ложь, как один поступок может поменять человеческую жизнь (или множество жизней), как трудно оставаться честным не только перед другими, но даже перед самим собой. Это история морального выбора, перед которым человек может оказаться в любой момент — и в сложных социокультурных обстоятельствах, и в самой рутинной жизни.

«О, когда Вишневецкий думал о том времени, ему становилось еще тоскливее. То время, начавшееся в сентябре 1989 года, когда они с помощниками основали “Новый форум”, несомненно, было лучшим периодом в его жизни. Никогда больше он не чувствовал себя таким сильным, никогда больше мир не казался таким податливым. Никогда больше реальность не была так близка к мечте. Опьяненные счастьем, они ходили по улицам, узнавали друга друга по улыбкам, следовали за своей энергией и инстинктами. Не задавались постоянно вопросом, насколько это все осуществимо. Просто делали: полный вперед, побеждает самый смелый.»

Любой, кто испытал нечто подобное, мог считать себя счастливым, потому что не каждый же день рушится целая мировая система».

